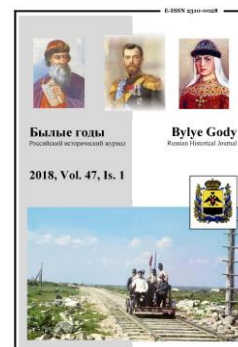


Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University



Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 280-291. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.280
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>



Interim Committee on Revision of the Cossack Statutes: Organization, Structure, Activity (1865–1872)

Alexey A. Volvenko ^{a, *}

^a Taganrog Institute Named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics (RINH)), Russian Federation

Abstract

In article the government policy for the Cossack troops in the 60–70th of the 19th century is investigated. Her chief conductor was the Interim committee on revision of the Cossack statutes (1865–1872). Initiators of his creation were the Minister of War D.A. Milyutin and the head of department of irregular troops N.I. Karlhof. In work process of preparation for opening of committee, the program of his occupations, selection of deputy structure is analyzed, the content of a debate on single questions of social and economic and military development of the Cossack troops reveals. The main task set for committee and focusing his attention on arrangement problems of "civil life" of the Cossacks has been solved not completely. Importance of activity of Interim committee in the context of formation of the updated legislative base concerning the Cossack troops in the 60–70th of the 19th century and the subsequent codification work is noted.

Keywords: Ministry of Defence, D.A. Milyutin, N.I. Karlhof interim committee, Cossack troops, projects of reforms.

1. Введение

Правительственная политика в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX в. отличается заметной интенсивностью принимаемых законодательных мер. Ее взаимосвязь с проводимыми в этот период т.н. «Великими реформами», направленными на изменение социально-экономического и административно-правового уклада Российской империи, представляется совершенно очевидной. Главным проводником имперской политики среди казачества являлось Военное министерство и подведомственное ему Управление иррегулярных войск (далее – УИВ), в 1867 г. переименованное в Главное управление иррегулярных войск. Важную роль в подготовке и продвижении казачьих реформ рассматриваемого периода играли военный министр Д.А. Милютин и начальник управления Н.И. Карлгоф. Непосредственные же разработчики тех или иных проектов казачьих преобразований менее известны. В связи с этим правительственная политика в отношении казачьих войск в литературе, как правило, предстает или «милютинской» или обезличенной, причем навязанной казакам исключительно извне, к тому же минимально учитывающей их интересы или даже прямо им противопоставленной. Рассмотрение истории организации и деятельности Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений при УИВ в 1865–1872 гг., на наш взгляд, может привести к определенной корректировке упомянутой характеристики казачьего правительственного курса в 1860–1870-х гг.

2. Материалы и методы

Основной источниковый массив, дающий представление о работе УИВ и Временного комитета в 60–70-х гг. XIX в., сосредоточен в фонде 330 (Казачий отдел Главного штаба) Российского

* Corresponding author

E-mail addresses: avolvenko@mail.ru (A.A. Volvenko)

государственного военно-исторического архива (г. Москва). Значительная часть использованных в статье архивных документов носит делопроизводственный характер. В личном фонде Д.А. Милютина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 169) хранится переписка военного министра с начальником УИВ Н.И. Карлгофом, в которой присутствуют материалы отдельных заседаний Временного комитета, а также содержится мнение Н.И. Карлгофа о личных качествах некоторых членов комитета. Часть сведений по теме исследования имеется в опубликованных воспоминаниях Д.А. Милютина, относящихся к 60–70-х гг. XIX века. Непосредственные результаты деятельности комитета в виде принятых законов, а также распоряжений Военного министерства в отношении казачьих войск опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и в Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам. Специфика привлекаемых источников потребовала использования источниковедческих методов в соответствии с видом рассматриваемых документов с последующим структурным анализом выявленных сведений на основе системного подхода. Кроме того, важным методом извлечения информации из перечисленных источников станет процедура т.н. «плотного описания», которая в контексте нашего исследования понимается как максимально подробная («плотная») фиксация всей информации, содержащейся в источниках, с целью восстановления событийной канвы работ Временного комитета по пересмотру казачьих законоположений. Этот метод позволяет извлечь из источников скрытую информацию, провести ее анализ, типизацию и интерпретацию и, тем самым, воссоздать реальность проектной деятельности комитета и оценить ее значение в общем ходе преобразовательной политики Военного министерства в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX века.

3. Обсуждение

Первое упоминание в литературе о Временном комитете по пересмотру казачьих законоположений встречается в ведомственных газете и журнале Военного министерства «Русском инвалиде» и «Военном сборнике» в специальных статьях за 1866 год ([Представление, 1866](#); [Русский инвалид, 1866](#)). В них описывается непосредственное открытие комитета, его первоначальный состав и приводится речь Александра II перед собравшимися депутатами. Впоследствии деятельность Временного комитета подробно не освещалась в периодической печати. Это обстоятельство позволило сибирскому казачьему офицеру А.П. Нестерову уже после закрытия комитета в статье «Реформы в Сибирском казачьем войске», написанной в 1874 г. и опубликованной под псевдонимом «Седьминец» в сборнике газеты «Сибирь» в 1876 г., утверждать о «совершенной безгласности занятий комитета» ([Седьминец, 1876: 337](#)). Результаты работ Временного комитета А.П. Нестеров подверг резкой критике, считая, что они были «направлены исключительно к удовлетворению одних чиновных интересов» ([Седьминец, 1876: 339](#)). Напротив, в официальных изданиях, например, в «Исторических очерках деятельности военного управления в России... 1855–1880» (1880), а также в «Столетии Военного министерства» (1902–1907) деятельность Временного комитета получила высокую оценку. Если в «Исторических очерках...» сведения о комитете носили в основном краткий и справочный характер ([Исторический очерк, 1879: 226-229](#)), то в «Столетии...» они были представлены в наибольшем объеме в существующей историографии ([Столетие, 1902: 412-427](#)). Встречающиеся редкие упоминания о Временном комитете в дореволюционной литературе, как правило, основывались на сведениях из «Столетия Военного министерства...». Это утверждение в полной мере относится и к известному труду С.Г. Сватиков «Россия и Дон (1549–1913)», изданном в Белграде в 1924 году ([Сватиков, 1924: 348-349](#)). Советские историки обошли своим вниманием Временный комитет, предпочитая анализировать и критиковать некий общий самодержавный курс по отношению к казачьим войскам без его институциональной детализации. В современной российской историографии в обобщающих трудах, монографиях, статьях и диссертациях по истории казачества II пол. XIX в. обычно присутствует тот или иной аспект деятельности Временного комитета применительно к отдельному казачьему войску или конкретной проблематике казачьего развития, однако специального исследования по истории организации комитета и итогам его работы проведено не было ([Андреев, 2006](#); [Герман, 2003](#); [Игнатьев, 1997](#); [Карпенко, 2008](#); [Малукало, 2003](#); [Самарина, 1994](#); [Топчий, 1995](#) и др.).

4. Результаты

Для понимания места Временного комитета в преобразовательном процессе в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX в. необходимо рассмотреть обстоятельства предшествующие его открытию. С нач. 1860-х гг. Военное министерство во главе с Д.А. Милютиным пыталось реализовать программу казачьих реформ, направленную «преимущественно на развитие гражданского быта казачьих войск и слиянию их прочим населением империи» ([Волвенко, 2014: 12](#)). Ответственность за исполнение такой программы была возложена на образованные практически в каждом казачьем войске местные комитеты по пересмотру войсковых положений. Придание нужного облика казачеству через составление войсковых положений, охватывающих все стороны его жизни, с успехом было апробировано властью в 1819–1835 г. в Земле войска Донского. Положение о войске Донском 1835 г. стало своеобразным образцом для выработки в 40–50-х гг. XIX в. аналогичных документов для других войск. Упомянутые местные комитеты первоначально должны были провести только

кодификационную работу над действующими войсковыми положениями, но с приходом в Военное министерство Д.А. Милютин перед комитетами была поставлена иная задача – составить принципиально новые положения на основе министерских рекомендаций. Однако даже привлечение к работе комитетов, состоящих из чиновников администраций, общественных представителей не позволило уложиться в неоднократно переносимые УИВ сроки сдачи проектов новых положений. К тому же не все комитеты внедрились в своих проектах программные предложения власти. К 1865 г. после анализа в УИВ полученных с мест материалов стало понятно, что комитеты не справились с поставленной перед ними задачей (Волвенко, 2016: 404-405). Самой жесткой критике со стороны Военного министерства, а также других ведомств подвергся донской проект положения. Д.А. Милютин вспоминал по этому поводу: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти» (Воспоминания, 2005: 184-185). Таким образом, прежняя модель по внедрению новых войсковых положений на основе донского положения как некоего образца, подвергавшегося затем корректировке на местах в зависимости от специфики того или иного войска, оказывалась не работоспособной. В связи с этим 2 октября 1865 г. в Санкт-Петербурге при УИВ и был открыт Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений, точнее, организована его канцелярия.

Подготовка к открытию комитета, вероятно, началась еще с начала лета 1865 года. По крайней мере, в письме Н.И. Карлгофа к Д.А. Милютину от 7 июля 1865 г. упоминается об уже исправленном по указанию военного министра «порядке рассмотрения и утверждения проектов новых положений о казачьих войсках» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 9. Д. 39. Л. 1). Данный порядок насчитывал 12 пунктов с примечаниями, в которых расписывался механизм будущей работы комитета. После рассмотрения «порядка» в Военном совете¹ количество пунктов (как и примечаний к ним) увеличилось до 15. Сделанные изменения не являлись принципиальными, они имели уточняющий характер. Кроме того, он получил новое название – «Временные правила о порядке рассмотрения и утверждения новых положений о казачьих войсках» и в таком виде был высочайше утвержден 2 октября 1865 года (Сборник, 1870: 183-189).

Согласно «Правилам», председателем «Комитета для пересмотра казачьих законоположений» (именно такое название фигурирует в тексте документа) назначался начальник УИВ, его помощник также участвовал в заседаниях и в случае отсутствия или болезни председателя занимал его место. В состав комитета входили «наличные члены общего присутствия² УИВ и командируемые от каждого войска по выбору наказных атаманов с утверждения главных местных начальников, лиц казачьего происхождения, хорошо знакомых с бытом и потребностями своих войск». Их количество устанавливалось следующее – от Донского войска 3 чел., от Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского, Оренбургского и Сибирского – по 1 чел. от каждого войска, от всех казачьих войск Восточной Сибири 1 человек. Из числа 3-х членов от Донского войска один должен был представлять «деятели мировых на Дону учреждений». Отдельно оговаривалось право, по которому Донское торговое общество по своему желанию могло «назначить от себя особое доверенное лицо и отправить его за свой счет» в комитет. Любое другое увеличение числа членов комитета зависело от разрешения военного министра. Казачьи атаманы получали возможность не посылать от войска своего представителя, а делегировать его права соответствующему члену общего присутствия УИВ. Члены комитета от казачьих войск вызывались в Санкт-Петербург на определенный период и «по мере изготовления работ» отпускались обратно в войска. Однако за военным министром закреплялось право менять такой порядок по своему усмотрению. Члены комитета не работающие в УИВ, но имеющие войсковые должности, должны были получать от своих войск «порционные деньги не свыше 3 руб. серебром в сутки». В случае если представители от войск не имели должностей, то они обеспечивались содержанием «наравне с чинами общего присутствия УИВ». Кроме того, всем командировочным выделялись из войсковых сумм «прогонные деньги, соответствующие занимаемым чинам» (Сборник, 1870: 183-189).

Регламент работы комитета устанавливался следующий. На его заседаниях «тщательно рассматривались» как полные (законченные) проекты местных комитетов, так и «частные предположения»; полученные заключения фиксировались в журнальных постановлениях с указанием результатов обсуждения (голосования). Члены комитета, оказавшиеся в меньшинстве, имели право подавать особое мнение, но не позже как в трехдневный срок. Рассмотренные таким образом материалы (первоначальный проект (документ), его исправленный вариант и особые мнения) затем представлялись в Военный совет на утверждение. По «важнейшим вопросам,

¹ Военный совет – высший законодательный и законосовещательный орган для решения вопросов, касающихся военно-организационных дел в Российской империи

² Общее Присутствие – специальный орган при Управлении иррегулярных войск, который рассматривал законодательные и хозяйственные вопросы иррегулярных войск. Его членами являлись – 5 человек от казачьих войск, 1 представитель от Военного министерства и 1 от Государственного Контроля.

относящихся до всех казачьих войск» Комитет также мог готовить и передавать в Военный совет как «общие проекты главных оснований, с объяснением тех различий, которые должны быть допущены в разных войсках при разнообразии в них местных условий», так и «особые проекты таких частей войсковых положений, которые могут составлять отдельное целое» (*Сборник, 1870: 187*).

«Правила» оговаривали условия закрытия местных казачьих комитетов, за исключением комитета для составления положений о Терском и Кубанском казачьих войсках, работы которого продолжались вплоть до особого распоряжения. Кроме того, в отдельном приложении к правилам устанавливался штат канцелярии комитета (правитель дел комитета с правами начальника отделения УИВ и 3 делопроизводителя), а также расходы на ее содержание (около 5500 руб. в год). Соответствующие суммы должны были предоставляться казачьими войсками и вноситься в смету УИВ (*Сборник, 1870: 188*).

Описанный порядок работы «Комитета для пересмотра казачьих законоположений» оказался почти аналогичен режиму деятельности известных Редакционных комиссий эпохи отмены крепостного права. Разница, безусловно, заключалась в деталях. Если все усилия Редакционных комиссий были направлены на создание «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», затем конкретизируемого в дополнительных законодательных актах, то конечный итог занятий комитета, заявленный в «Правилах», был не совсем ясен. Возможно такая задача и не планировалась изначально, для того чтобы не ставить комитет в жесткие рамки ответственности за полученные результаты, в виде законченных общих положений по каждому казачьему войску. Кроме того, «Правила» были разосланы по казачьим войскам, они носили открытый, а впоследствии публичный характер, т.е. адресовались внешнему «читателю» (казачьим войскам и их администрациям), демонстрируя не более как техническое значение комитета.

После первых недель работы канцелярии комитета Н.И. Карлгоф в отдельной записке представил Д.А. Милютину более подробный порядок будущих занятий комитета, предназначенный для «внутреннего» использования. Начальник УИВ посчитал неудобным подробный разбор комитетом полных местных проектов по принципу один за другим. Он также призвал окончательно отказаться от идеи рассматривать «Положение о войске Донском», в том числе его новый проект, как образец для других войск. Вместо этого Н.И. Карлгоф предложил на заседаниях комитета «заняться установлением тех общих начал для будущих Положений о казачьих войсках, которые для всех этих войск могут быть одинаковы» (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 2*). Решение такой задачи должно было сопровождаться подготовкой частных «проектов, которые могут быть применены к войскам безотлагательно», по очередности исходя из степени их важности для устройства казачьих войск и таким образом, чтобы они обсуждались прежде других, если касались всех или наибольшего числа войск. В записке утверждалось, что «казачьи войска нуждаются в улучшениях гражданского своего быта более чем военного устройства» (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 206*). Поэтому комитету необходимо заняться, прежде всего, разработкой гражданских вопросов, а именно применением к казачьим войскам земской и судебной реформ. И хотя проведение упомянутых реформ находится в компетенции МВД и Министерства Юстиции, Н.И. Карлгоф настоятельно призывает Военное министерство и, соответственно, комитет активно включиться в данный процесс. Для этого комитету, по мнению начальника УИВ, следует составить такие проекты отдельных положений, которые закладывали бы основы для возможной деятельности земских и судебных учреждений на казачьих землях. Т.е. в проектах должны быть определены личные права и обязанности войскового сословия и иногородних, пребывающих на войсковых землях; поземельное право; а так же «отделены предметы земства от тех, которые должны подлежать ведению других войсковых учреждений...» (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-5*). Среди других вопросов, наиболее близко отвечающих интересам казачества и требующих обсуждения комитетом, Н.И. Карлгоф отметил необходимость уравнивания сроков службы во всех казачьих войсках; предоставление права выхода из войскового сословия и зачисления в него; изменение порядка отбывания казачьим населением воинской службы и определение условий для желающих освободиться от неё и пр. (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-7*).

Д.А. Милютин, ознакомившись с запиской Н.И. Карлгофа, 29 октября 1865 г. подписал ее со следующей резолюцией: «предполагаемую программу занятий вполне одобряю» (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 1*). И хотя «программа» не была облечена в форму официального документа, именно ею руководствовался начальник УИВ, возглавляя впоследствии деятельность комитета. К тому же канцелярия комитета в течение года до непосредственного созыва комитета и начала его заседаний готовила материалы исключительно по вопросам упомянутой «программы».

Подбором членов (депутатов) комитета от казачьих войск местные администрации занимались с декабря 1865 года. Мы можем получить частичное представление об этом процессе на примере войска Донского. Первоначально письма от донского войскового наказного атамана А.Л. Потапова с предложением войти в состав комитета получили полковники А.К. Мелихов и А.В. Туроверов, а также войсковой старшина А.А. Карпов. Донское общество торговых казаков избрало двух кандидатов в члены комитета вместо 1-го как того требовали «Правила» и еще 2 чел. в качестве «запасных» (*ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 300б., 67*). Вскоре после соответствующего запроса А.Л. Потапова выяснилось, что трое из четырех кандидатов от торговых казаков были старообрядцами (*ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 70*). А.К. Мелихов и А.В. Туроверов не приняли предложение атамана, А.А. Карпов

буквально накануне отъезда в Санкт-Петербург, сославшись на болезнь, также отказался от участия в работе комитета (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 77, 86-86об.). В итоге членами комитета от войска Донского стали полковник Ежов, титулярный советник (А.П.?) Ханженков, отставной полковник И. Денисов и торговый казак М.А. Переселенков, который заменил заболевшего Ф.И. Жученкова (оба, кстати, являлись старообрядцами).

Донские депутаты, а также войсковой старшина Н.А. Жоголев, войсковой старшина П.В. Мартынов, полковник П.Г. Чернев – члены комитета от Астраханского, Уральского и Оренбургского войска соответственно, и капитан Генерального штаба А.Л. Шаняевский – депутат от казачьих войск Восточной Сибири, не дожидаясь членов комитета от Кубанского, Терского и Сибирского казачьих войск в субботу 5 ноября 1866 г. были представлены Александру II. Император вышел к ним в мундире лейб-гвардии Казачьего полка и, «спросив каждого о службе или об образе его домашней жизни», произнес следующие слова, ставшие хрестоматийными при характеристике правительственной политики в отношении казачества в 1860-х гг.: «Вы собраны сюда для того, чтобы с вашей помощью разъяснить истинные ваши нужды и пользы. Нынешние положения о казачьих войсках устарели и во многом требуют пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных заслуг отечеству, сохранили на будущее время свое воинское назначение; твердо надеюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажут себя такими же молодцами, какими были всегда. Но Я, вместе с тем, желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их значение было, сколько возможно, согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственная благосостояния. Казачье население, отбывая по-прежнему военную свою обязанность, может и должно в то же время пользоваться общими для всех частей Империи благами гражданского благоустройства. К этой главной цели должны клониться ваши труды и Мне приятно будет видеть, если вы достигнете ее» (Представление, 1866: 107). По-видимому, императорская речь была каким-то образом согласована с главной идеей программы Карлгофа о преимущественном развитии гражданской сферы казачества. Более того, царское слово легитимировало замысел Военного министерства в отношении казачьих войск, выведя его в официальную, публичную сферу пусть и в усеченном виде. Были ли готовы к реализации властного замысла члены комитета?

Частичный ответ на поставленный вопрос дает сам Н.И. Карлгоф. В его письме к Д.А. Милютину от 27 ноября 1866 г. члены комитета от казачьих войск после первых недель работы характеризуются как «способные и цельные» люди (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 9). Он особо выделяет донского депутата Ханженкова, а также представителей от войск Восточной Сибири капитана Шаняевского и от Уральского войска войскового старшину Мартынова, т.к. эти трое депутатов, как считает Карлгоф, выражают три разные позиции на заседаниях комитета. «Ханженков, защищая некоторые казачьи принципы, допускает широкие уступки для уничтожения казачьей замкнутости – и, как утверждает начальник УИВ, – представляет собой среднее мнение, к которому принадлежат с некоторыми оттенками двое депутатов от Донского войска генерал Ежов и полковник Денисов, депутат от Оренбургского войска полковник Чернев, астраханский войсковой старшина Жоголев и сколько можно судить по одному заседанию, прибывший на днях депутат от Сибирского войска полковник Путинцев» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 9об). Капитан Шаняевский, по оценке Карлгофа, составляет «замечательные особые мнения в духе прогрессивном, но рассудительные и возможные к применению». Что касается войскового старшины Мартынова, то он «отстаивает мнение старой казачьей партии». В небольшом отступлении Карлгоф напоминает Милютину, что Мартынов – это известный войсковой прокурор, который «легальным образом вел неумолимую борьбу с бывшим уральским атаманом Дандевилем», за что и полатился должностью. Мартынова в комитет выбрало местное офицерское общество без участия атамана Уральского войска, его кандидатуру утвердило Оренбургское начальство (Уральское казачье войско входило в состав Оренбургского генерал-губернаторства – А.В.), таким образом, он попал в комитет «по недосмотру». Однако Карлгоф выступает против удаления Мартынова из комитета, т.к. в нем начальник УИВ увидел «человека большого ума, очень сдержанного, хорошо пишущего и защищающего свое мнение не по упорству, а по обдуманному убеждению...» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 12). Более того, Карлгоф убеждает Милютину в том, что позиция Мартынова «не принадлежит к тупому консерватизму, а составляет преимущественно своего рода казачий либерализм». В заключении, начальник УИВ делает следующий расклад «сил» в комитете – члены общего присутствия от казачьих войск примкнули к «среднему мнению», которое составляет абсолютное большинство, представители присутствия от Военного министерства и Государственного контроля действительные статские советники Андреев и Гаршин, соответственно, а также вошедший в состав комитета от Министерства Юстиции статский советник Г.К. Репинский присоединились к точке зрения Шаняевского (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. 19. Л. 12об.).

В своих воспоминания Д.А. Милютин высоко оценивает роль Карлгофа в деятельности комитета, которому удалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль: отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (Воспоминания, 2005: 403). Очевидно, что милютинские слова основывались на разобранном нами письме Карлгофа от 27 ноября 1865 г., хранящегося в личном архиве министра. Однако в данном случае нельзя исключать и память

Д.А. Милютина, возможно зафиксировавшую целенаправленные действия Карлгофа по формированию нужного для министерства направления работы комитета.

К сожалению, надежных источников, свидетельствующих о персональной ротации состава комитета, мы пока не обнаружили. Косвенные данные указывают на то, что отдельные члены комитета эпизодически менялись. Какие обстоятельства способствовали уходу одних депутатов и приходу других, нам также не известно. Предварительно можно предположить, что в основе замены лежали личные мотивы, состояние здоровья, а также иные причины прагматического, а не «политического» характера. Все-таки казацки администрации присылали в комитет людей проверенных и благонадежных. В «Столетии Военного министерства» в томе, посвященном Главному управлению иррегулярных войск, помещена фотография членов комитета с их пофамильным перечислением (Столетие, 1902: 416-417). Указанная в издании датировка фотографии 1865 годом явно ошибочная. На наш взгляд, ее следует отнести к концу 1867 г. – первой половине 1868 года¹.



Рис. 1. Член от Министерства Юстиции действительный статский советник Григорий Кузьмич Репинский (ныне сенатор, действительный тайный советник); депутаты: от войска Донского Янов; от Сибирского войска – подполковников Павел Яковлевич Ребров; Астраханского казачьего войска – войсковой старшина, Николай Агафангелович Жоголев; от Восточной Сибири – генерального штаба капитан Альфонс Леонович Шанявский (впоследствии правитель дел комитета): от Сибирского войска – подполковник Иван Семенович Мазарович; от Донского войска – отставной генерал-майор Василий Иванович Шапошников; от Терского войска – подполковник Гавриил Данилович Абрамов; от Кубанского казачьего войска – подполковник Прокофий Григорьевич Короленко.

Второй ряд (начиная слева):

Правитель дел комитета И.Ф. Лосев; помощник Начальника Главного Управления полковник Адам Петрович Чеботарев 1-й; Начальник Главного Управления генерал-лейтенант Николай Иванович Карлгоф; депутаты: от Сибирского войска подполковник Панков; от Оренбургского войска – полковник Павел Григорьевич Чернев (Столетие, 1903: 832-833)

Из подписи к фотографии можно сделать вывод, что из первоначального состава комитета депутата от Сибирского казачьего войска полковника Путинцева сменили сразу три представителя –

¹ В 1865 г. комитет в полном составе еще не был собран. Его первое заседание состоялось 10 ноября 1866 года. На нем присутствовали двое представителей от Донского войска, которые в 1867 г. подверглись ротации, и на фотографии их уже нет. Также на фотографии запечатлен правитель дел комитета И.Ф. Лосев, который умер в конце 1867 года. Таким образом, датировать фотографию можно периодом – конец 1867 г. – первая половина 1868 года.

подполковники П.Я. Ребров, И.С. Мазарович и Панков (личность не удалось идентифицировать – А.В.); из трех членов от Донского войска (Ханженков, Ежов и Денисов) «обновились» двое – полковник Янов и генерал-майор В.И. Шапошников; появились депутаты от Терского и Кубанского войска подполковники Г.Д. Абрамов и П.Г. Короленко соответственно. На своих местах остались Жоголев (Астраханское войско), Шанявский (казацьи войска Восточной Сибири) и Чернев (Оренбургское войско). Член комитета от Донского торгового общества отсутствующий на фотографии казак М.А. Переселенков, видимо, сразу после обсуждения вопроса о казачьей торговле был отправлен на Дон. На фотографии нет уральца Мартынова, которого так хотел сохранить начальник УИВ. Однако сделать вывод о том, что Мартынова все же исключили из состава комитета, не позволяет другой источник – «Список генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам Главного Управления казачьих (иррегулярных) войска», помещенный в приложении к вышеупомянутому тому «Столетия Военного министерства» (Столетие, 1902а: 49-59). В данный список попали те члены комитета, которые впоследствии оказались штатными сотрудниками Управления. Так вот Мартынов, судя по записи в графе «прохождение службы», оставался в составе комитета вплоть до его реорганизации в апреле 1872 года (Столетие, 1902а: 50). Содержание списка так же позволяет дополнить перечень представителей от казачьих войска, участвовавших в деятельности комитета. В 1868 г. членом комитета становится генерал-майор А.П. Богуславский, ранее состоявший при Главнокомандующем Кавказской армией великом князе Михаиле Александровиче; в этом же году от образованного в 1867 г. Семиреченского казачьего войска в комитет делегируется подполковник В.А. фон-Гойер; в 1869 г. депутатом от Донского войска назначается войсковой старшина А.Ф. Поляков, с 1871 г. членом комитета числится донской полковник А.И. Клунников, а в феврале 1872 г., буквально накануне закрытия комитета, в его состав вводится донской полковник А.С. Греков (Столетие, 1902а: 53-59).

Биографии большинства депутатов свидетельствуют об их профессионализме в военном или административном деле. Для части депутатов работа в комитете способствовала их дальнейшему карьерному росту. Генерал-майор А.П. Богуславский (1824–1893), не являвшийся природным казаком, в 1870 г. был назначен помощником начальника Главного управления иррегулярных войска, а уже в 1871 г. стал исполнять обязанности начальника управления. После окончательного утверждения в должности Богуславский руководил управлением до 1881 года (Столетие, 1902: 784-785). Капитан А.Л. Шанявский (1837–1905), также не казачьего происхождения, в 1868 г. после смерти правителя дел канцелярии комитета И.Ф. Лосева занял его место. Шанявского пытался вернуть на службу генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П. Синельников, однако в Военном министерстве ему в этом отказали (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 24. Л. 391). В 1872 г. Шанявский возглавил одно из отделений Главного управления иррегулярных войска, через 4 года уволившись по болезни уже в звании генерал-майора. В истории Шанявский более известен как золотопромышленник, на капиталы которого и в его доме в 1908 г. был открыт Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского (ныне его здание принадлежит Российскому государственному гуманитарному университету) (Фандо, 2016: 210-221). Полковник Оренбургского войска П.Г. Чернев (1821–1884) в 1869 г. вошел в состав Совецательного комитета иррегулярных войска (бывшее Общее присутствие) с сохранением членства во временном комитете, в 1872 г. он уже становится помощником начальника Главного управления. За период с 1872 по 1884 гг. Чернев неоднократно исполнял обязанности начальника во время его отсутствия (Столетие, 1902: 799-800). «Скандальный» войсковой старшина Мартынов (1828–1899) также был оставлен в комитете иррегулярных войска, представляя Уральское казачье войско. Служба Мартынова в Главном управлении закончилась в 1898 г. в чине генерал-майора за год до его смерти.

Однако вернемся к заседаниям комитета, первое из которых состоялось 10 ноября 1866 года (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 48). К концу года комитет решил два вопроса: о правах донского купечества и о дозволении донским помещикам продавать принадлежащие им земли иногородним. Сообщая об этом в частном письме к атаману донской депутат полковник Денисов анонсировал предстоящие дебаты еще по 17 вопросам, «хотя не столь важных, но решение которых потребует присутствия нашего до весны», а также выразил сожаление по поводу слишком медленной работы комитета (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 717. Л. 189-189об.). Информация Денисова находит полное подтверждение в представлении Н.И. Карлгофа о деятельности комитета от 17 января 1867 года. Комментируя итоги рассмотрения двух упомянутых дел, начальник УИВ подчеркнул, что проект «о дозволении иногородним водворяться на всех казачьих землях... произведет благожелательный переворот во всех казачьих войсках». Однако особое внимание Карлгоф уделит другому проекту комитета, посвященному казачьему земельному праву. По его данным, комитет уже почти закончил работу над этим «самым затруднительным и щекотливым» документом, проявив почти полное единодушие (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 130б.). Содержание проекта в кратком изложении начальника УИВ выглядело следующим образом: срочные земельные участки казачьих офицеров после 7,5 лет службы, должны были сначала обращаться в пожизненные владения, а по окончании 15-летней службы (т.е. полного срока обязательной службы) переходить уже в потомственную собственность и облагаться налогом, на основе которого в свою очередь формируется особый

пенсионный капитал для обеспечения будущих офицеров, лишенных земельных наделов из-за их истощенности (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 13об.-14).

К вопросу о том, как на самом деле был решен вопрос о срочных участках земли, мы еще вернемся, а пока обратимся к итогам первой «сессии» занятий комитета. Они были подведены в докладе по канцелярии временного комитета от 28 марта 1867 года (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 53-62об.). Это был далеко не первый документ, исходящий из канцелярии, в котором фигурировало наименование «временный комитет». Возможно появление слова «временный» было как-то связано с реорганизацией в 1867 г. УИВ в Главное управление иррегулярных войск (далее – ГУИВ) и переименованием в связи с этим «Общего присутствия» в «Совещательный комитет». В любом случае, даже если наше предположение неверно, наименование «временный комитет» в дальнейшем закрепится в делопроизводительной практике ГУИВ, а затем и в литературе. В докладе, написанном от первого лица, Н.И. Карлгоф вновь подчеркнул приоритетность и важность составления комитетом частных положений для всех казачьих войск. Выбор данной стратегии работы он оправдывал общегосударственной пользой таких готовившихся преобразований среди казачества, которые в равной степени «уничтожили бы в них замкнутость и обособленность от прочих частей государства» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 55). После сбора полного состава комитета, помимо уже решенных двух дел, депутаты обсудили один за другим еще 6 вопросов, касающихся положения иногородних на казачьих территориях, земельного устройства в казачьих войсках, земского налогообложения, воинской повинности в казачьих войсках, торговли на казачьих землях, а также права выхода из казачьего сословия и о приеме в него, в том числе, иногородних. По первым 5-ти вопросам, как сообщает Карлгоф, были написаны соответствующие проекты положений (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 56об.). Этой работой занималась особая редакционная комиссия, составленная из членов комитета. Проекты были рассмотрены и утверждены комитетом, последний же вопрос еще обсуждался депутатами. Отдельного пояснения со стороны начальника ГУИВ потребовала ситуация в отношении Уральского, Кубанского и Терского казачьих войск, по которым комитет фактически не вел никаких работ. Дело в том, что Командующий войсками Оренбургского округа, в состав которого входили уральские казаки, «еще не высказался о возможности применения преобразований в своеобразном складе этой раскольничьей казачьей общины (значительная часть уральских казаков являлась старообрядцами – А.В.)». Главкомандующий же Кавказской армией вел. князь Михаил Николаевич не только не рассмотрел проект положения о Кубанском и Терском казачьих войсках, но и «вообще предположения Кавказского начальства по этим войскам еще не вполне установились» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 57-57об.). После обсуждения последнего вопроса Карлгоф предложил распустить комитет до осени 1867 г., удержав в столице только представителей от Кубанского, Астраханского, Сибирского и Забайкальского войск для решения проблем, относящихся исключительно до каждого из перечисленных войск. Видимо, для легитимации такого шага, а также для увеличения эффективности деятельности казачьих депутатов, 6 мая 1867 г. им было Высочайше разрешено присутствовать с правом голоса на регулярных заседаниях Совещательного комитета Главного управления (ПСЗ, 1871: 442). В заключение доклада начальник ГУИВ как председатель комитета высоко оценил деятельность своих коллег, которые, «отступая от многих закоренелых убеждений старого казачества и допуская... широкие преобразования в казачьих войсках, оказали Государству услугу и пользу самим войскам» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 61). Кроме того, Карлгоф поделился своим видением возможных результатов от внедрения разработанных проектов. По его мнению, «свободное водворение иногородних в казачьих войсках с дозволением приобретать в них недвижимую собственность; введение в войсках начал поземельной частной собственности...; ограничение в некоторых войсках военного состава населения и обращение излишки его к труду и промышленности... если и не в настоящее время, то в ближайшем будущем, когда положение тех войск, которые недостаточно наделены средствами к своему содержанию, улучшится... все эти и другие предположения комитета, направленные к уничтожению замкнутости войск, к улучшению материального их благосостояния и к применению к ним общегосударственного строя, приведут благодетельный переворот в войсках» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 1. Л. 62об.).

Наше повышенное внимание к первым месяцам работы комитета обусловлено тем, что на этом этапе закладывался механизм всей его будущей деятельности, который без особых изменений функционировал вплоть до закрытия комитета в 1872 году. Добавим только, что к концу 1860-х гг. проблемы Кавказских казачьих войск все-таки стали предметом обсуждения комитета, то же самое произошло и с Уральским войском, только чуть позже. Подготовка комитетом того или иного проекта и передача на рассмотрение в Военный совет не означала его автоматического «превращения» в законодательный акт или того, что комитет мог больше не возвращаться к уже казалось бы закрытому вопросу. Военный министр Д.А. Милютин, объясняя длительный, по его мнению, срок существования комитета, заметил, что «по каждому вопросу (комитету – А.В.) требовались сношения с подлежащими министерствами, рассмотрение во II С.Е.В. Канцелярии, в Главном военно-кодификационном комитете, затем в Военном совете, в Департаменте законов (иногда в соединении и с Департаментом экономии), наконец, в общем собрании Государственного совета» (Воспоминания, 2006: 137). Несмотря на длительную процедуру согласования, значительная часть проектов комитета все же получила свое воплощение в имперском законодательстве. Наиболее важными из них следует считать:

1867 г. – «Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способах их комплектования» (ПСЗ, 1871а: 1113-1118)

1868 г. – «О некоторых изменениях в статьях Устава о благоустройстве в казачьих селениях касательно права помещиков войска Донского по распоряжению их поземельною собственностью» (ПСЗ, 1873: 78-79)

1868 г. – «О Дозволении Русским поданным не войскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск» (ПСЗ, 1873а: 473-474)

1869 г. – «Об освобождении казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из иного, перечисляться в другие войска и служить вне своих войск, и о зачислении в казачьи войска лиц невойскового сословия» (ПСЗ, 1873б: 356-357)

1869 г. – «О поземельном устройстве в казачьих войсках» (ПСЗ, 1873с: 353-355)

1870 г. – «Дополнительные правила о подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск» (ПСЗ, 1874: 342)

1870 г. – «Положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского войска» (ПСЗ, 1874а: 506-509)

1870 г. – «Положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск» (ПСЗ, 1874б: 509-512)

1870 г. – «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» (ПСЗ, 1874с: 617-629)

1870 г. – «Положение о воинской повинности и о содержании строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск» (ПСЗ, 1874д: 148-159)

1870 г. – «О торговле в казачьих войсках: Кубанском, Терском, Астраханском, Оренбургском, Сибирском, Забайкальском и Семиреченском» (ПСЗ, 1874і: 560-561)

За каждым из принятых законов стояли дебаты членов комитета, чиновников различных ведомств, составлялись особые мнения и записки, находился компромисс между интересами центральной власти и предложениями казачьих администраций. Иногда Военное министерство шло на уступки, когда ему противостояла согласованная позиция казачьих представителей по тому или иному вопросу. Так, например, «Положение о торговле» 1870 г., ликвидировавшее общества торговых казаков и внедрявшее в казачьи земли общероссийское «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов», не было распространено на Донское и Уральское войска. Донские депутаты высказались за сохранение местного торгового общества, а своеобразный порядок торговли среди уральских казаков, основанный на старообрядческих традициях, власть просто не решилась изменять. Также донские представители выступили против организации военной службы казаков на принципах конскрипции. Данный принцип подразумевал наличие нормы выставляемого от войска количества нижних чинов, затем жребий должен был определить, кто попадал в состав служилых казаков, а кто переходил в разряд войсковых «граждан», навсегда освобожденных от службы, но сохранявших право на владение землей с уплатой годового налога в войсковой капитал. Конскрипционный порядок стал основой «Положения о военном составе Оренбургского казачьего войска...» 1867 года. Одним из его авторов являлся депутат от Оренбургского войска полковник П.Г. Чернев. Сам комитет не занимался разработкой положения, но обсуждал возможность его применения к другим казачьим войскам. Как уже было сказано, донские депутаты высказались против конскрипции. По их собственному признанию, такая позиция была обусловлена «опасением подвергнуться негодованию своих войсковых обывателей» в случае выражения иного мнения (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 160б.). По сообщению Н.И. Карлгофа, уральцы в комитете по этому вопросу «вообще отмолчались» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 23. Ед. хр. 19. Л. 160б.). В итоге ключевая идея преобразовательной программы Военного министерства по созданию в казачьих войсках особого разряда неслужилых казаков или войсковых граждан не нашла своего воплощения в Донском и Уральском войсках. Оренбургское положение было адаптировано только для Кубанского и Терского казачьих войск (1870), Сибирского (1871), Астраханского и Забайкальского казачьих войск (1872).

В вопросе об обеспечении казачьих генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников власть пошла даже дальше предложений комитета, видимо, исходя из желания получить поддержку этой категории казачества. Напомним, что комитет изначально планировал многолетнюю процедуру передачи срочных земельных участков представителям офицерского казачьего корпуса в потомственную собственность. В соответствующих же положениях по Донскому, Кубанскому и Терскому войскам 1870 г. все те, кто владел или имели право на владение срочными земельными участками ко дню обнародования данных положений, получали их в потомственную собственность сразу и одновременно.

Безусловно, правительственная политика в отношении казачьих войск, реализуемая в законодательстве в 1860–1870-х гг., не ограничивалась только результатами деятельности комитета. В свою очередь, закрытие комитета отнюдь не означало, что подготовленные им материалы не были востребованы после официального прекращения работы. В нач. 1872 г. в Военном министерстве пришли к выводу, что все важнейшие казачьи вопросы уже нашли свое разрешение комитетом. 7 апреля 1872 г. его канцелярия была упразднена, а делопроизводство было передано 2-му законодательному отделению ГУИВ. Временный комитет заседания больше не проводил, его депутаты вошли в состав совещательного комитета иррегулярных войск. В случае возвращения бывших членов комитета в свои войска, их места не замещались новыми представителями, за исключением депутатов от Донского войска (Столетие, 1902: 427).

5. Заключение

Объяснить закрытие временного комитета сославшись только лишь, на зафиксированное Военным министерством формальное выполнение всех задач, поставленных перед комитетом, было бы неверно. Во-первых, далеко не все вопросы, несмотря на министерский оптимизм, нашли свое решение. Так, например, четкого разделения гражданской и военной сферы в казачьих войсках, необходимого для полноценного проведения земской и судебной реформ, все же не произошло. На наш взгляд, именно данное обстоятельство повлияло на то, что единственные земские учреждения среди казачества, созданные в войске Донском, просуществовали всего 6 лет (1876–1882) и были закрыты в том числе из-за жесткого противостояния войсковой администрации и земских органов власти. Во-вторых, и это пожалуй, главное, «программа» комитета, направленная на «улучшение гражданского быта (казачества – А.В.) более чем военного устройства» стала не соответствовать новому курсу Военного министерства в отношении казачьих войск. Он был сформирован под впечатлением итогов Франко-прусской войны 1870–1871 гг. в ходе разработки с нач. 1870-х гг. новой системы комплектования армии на основе всеобщей повинной повинности. В это время в Военном министерстве решили значительно увеличить кавалерийские части в армии, что, в свою очередь, актуализировало военные качества казачьей конницы и ее мобилизационные возможности. Последующий отказ от принципа конскрипции в казачьих войсках и переход к традиционной поголовной очередной службе на первое место выводил вопросы совершенствования боевой подготовки казачества в соответствии с задачами регулярной армии. Таким образом, проблемы гражданского развития казачьих войск и их территорий перестали быть приоритетными.

Были ли напрасны потраченные на содержание комитета, как утверждал «Седьминец», около 260 тыс. руб. из войсковых капиталов (*Седьминец, 1876: 336*)? Как предполагал Н.И. Карлгоф положительный эффект от внедрения проектов комитета должен был наступить по истечении определенного времени. Однако его прогноз не имел конкретного финансового выражения и тем более не учитывало того обстоятельства, что программа реформ будет реализована не полностью или не будет отменено одно из ключевых ее преобразований – конскрипция, разделяющая казаков на служилых и свободных от службы войсковых граждан. Поэтому ответ на поставленный вопрос вряд ли будет однозначным. К числу же бесспорных достижений комитета можно отнести начало серьезной кодификационной работы в области казачьего законодательства и его последующую правильную систематизацию, отраженную в многотомном «Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам» (1870–1917).

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-50018.

Литература

- Андреев, 2006* – Андреев С.М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск, 2006. 259 с.
- Волвенко, 2014* – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12–20.
- Воспоминания, 2005* – Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 694 с.
- Воспоминания, 2006* – Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868–начало 1873. М., 2006. 734 с.
- ГАРО* – Государственный архив Ростовской области.
- Герман, 2003* – Герман О.Б. Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. Ростов н/Д., 2003. 575 с.
- Игнатъев, 1997* – Игнатъев Б.Б. Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX начало XX вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1997. 21 с.
- Исторический очерк, 1879* – Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). СПб., 1879. Т. 3. 371 с.
- Карпенко, 2008* – Карпенко А.Н. Донское казачество в ходе осуществления реформ второй половины XIX века. Автореф. дис. канд. истор. наук. М., 2008.
- Малукало, 2003* – Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 216 с.
- ОР РГБ* – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Представление, 1866* – Представление депутатов от казачьих войск государю императору // *Военный сборник*, 1866. №12. Декабрь. С. 106–107.
- ПСЗ, 1871* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Отд. 1. №44532.
- ПСЗ, 1871а* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Отд. 1. №44787.
- ПСЗ, 1873* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIII. Отд. 1. №45448.
- ПСЗ, 1873а* – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIII. Отд. 1. №45785.

- [ПСЗ, 1873b](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIV. Отд. 1. №46998.
[ПСЗ, 1873c](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1873. Т.XLIV. Отд. 1. №46996.
[ПСЗ, 1874](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. № 48207.
[ПСЗ, 1874a](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. №48274.
[ПСЗ, 1874b](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. №48275.
[ПСЗ, 1874c](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 1. № 48354.
[ПСЗ, 1874d](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 2. №48607.
[ПСЗ, 1874i](#) – ПСЗ 2-е собр. СПб., 1874. Т.XLV. Отд. 2. №48992.
[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
[Русский инвалид, 1866](#) – Русский инвалид, 1866. №291.
[Самарина, 1994](#) – Самарина Н.В. Реформы 60–70-х гг. XIX в. на Дону и казачество // Юго-Восток России в XIX – начале XX в. Ростов н/Д., 1994. С. 38-49.
[Сборник, 1870](#) – Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1870. Т. I. 295 с.
[Сватиков, 1924](#) – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений. Белград, 1924. 592 с.
[Седьминец, 1876](#) – Седьминец. Реформы в Сибирском казачьем войске // Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1. С. 335-368.
[Столетие, 1902](#) – Столетие Военного министерства 1802-1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т. 11. Ч. 1. 900 с.
[Столетие, 1902a](#) – Столетие Военного министерства 1802–1902. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1902. Т. 11. Ч. 2. Приложения. 437 с.
[Топчий, 1995](#) – Топчий А.Т. Буржуазные реформы 60–80 гг. XIX в. и проблемы казачества России // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д., 1995. С. 29-35.
[Fando, 2016](#) – Fando R.A. Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School" // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 210-221.
[Volvenko, 2016](#) – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 398-411.

References

- [Andreev, 2006](#) – Andreev S.M. (2006). Sibirskoe kazach'e vojsko: vzniknovenie, stanovlenie, razvitie (1808–1917 gg.) [Siberian Cossack army: emergence, formation, development (1808–1917)]. Omsk. 259 p. [in Russian]
[Volvenko, 2014](#) – Volvenko A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoj politike jepohi «Velikih reform». (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in government policy of an era of "Great reforms". (1860–1870)]. *Izvestija Samarskogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Т. 16. №3. pp. 12-20. [in Russian]
[Vospominanija, 2005](#) – Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1865–1867 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseyevich Milyutin. 1865–1867]. М., 2005. 694 p. [in Russian]
[Vospominanija, 2006](#) – Vospominanija general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1868–nachalo 1873 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseyevich Milyutin. 1868 beginning of 1873]. М., 2006. 734 p. [in Russian]
[GARO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State archive of the Rostov region]
[German, 2003](#) – German O.B. (2003). Pravovoe polozhenie krest'janstva i kazachestva Jugo-Vostoka Evropejskoj Rossii v 1861–1920 gg. [A legal status of the peasantry and Cossacks of the Southeast of the European Russia in 1861–1920] Rostov n/D. 575 p. [in Russian]
[Ignat'ev, 1997](#) – Ignat'ev B.B. (1997). Razvitie sistemy upravlenija kazach'ih vojsk Rossii (vtoraja polovina XIX nachalo XX vv.) [Development of a control system of the Cossack troops of Russia (second half XIX beginning of the 20th centuries)]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. М. 21 p. [in Russian]
[Istoricheskij ocherk, 1879](#) – Istoricheskij ocherk dejatel'nosti voennogo upravlenija v Rossii v pervoe 25-letie blagopoluchnogo carstvovanija gosudarja imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855–1880 gg.) [The Historical sketch of activity of military management in Russia in the first 25 anniversary of safe reign of the sovereign emperor Alexander Nikolaevich (1855–1880)]. SPb., 1879. Т. 3. 371 p. [in Russian]
[Karpenko, 2008](#) – Karpenko A.N. (2008). Donskoe kazachestvo v hode osushhestvlenija reform vtoroj poloviny XIX veka [The Don Cossacks during implementation of reforms of the second half of the 19th century]. Avtoref. dis. kand. istor. nauk. М. [in Russian]
[Malukalo, 2003](#) – Malukalo A.N. (2003). Kubanskoe kazach'e vojsko v 1860–1914 gg.: organizacija, sistema upravlenija i funkcionirovanija, social'no-jekonomicheskij status [The Kuban Cossack army in 1860–1914: organization, control system and functioning, social and economic status]. Krasnodar. 216 p. [in Russian]
[OR RGB](#) – Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of manuscripts of the Russian state library]
[Predstavlenie, 1866](#) – Predstavlenie deputatov ot kazach'ih vojsk gosudarju imperatoru [Representation of deputies from the Cossack troops to the sovereign to the emperor]. *Voennyj Sbornik*. 1866. №12. pp. 106-107. [in Russian]
[PSZ, 1871](#) – PSZ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Otd.1. №44532. [in Russian]
[PSZ, 1871a](#) – PSZ 2-е собр. СПб., 1871. Т.XLII. Otd.1. №44787. [in Russian]

- PSZ, 1873 – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIII. Otd.1. №45448. [in Russian]
 PSZ, 1873a – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIII. Otd.1. №45785. [in Russian]
 PSZ, 1873b – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIV. Otd.1. №46998. [in Russian]
 PSZ, 1873c – PSZ 2-e sobr. SPb., 1873. T.XLIV. Otd.1. №46996. [in Russian]
 PSZ, 1874 – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. № 48207. [in Russian]
 PSZ, 1874a – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. №48274. [in Russian]
 PSZ, 1874b – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. №48275. [in Russian]
 PSZ, 1874c – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.1. № 48354. [in Russian]
 PSZ, 1874d – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.2. №48607. [in Russian]
 PSZ, 1874i – PSZ 2-e sobr. SPb., 1874. T.XLV. Otd.2. №48992. [in Russian]
 RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military and historical archive]
 Russkij invalid, 1866 – Russkij invalid [The Russian disabled person], 1866 №291. [in Russian]
 Samarina, 1994 – Samarina N.V. (1994). Reformy 60–70-h gg. XIX v. na Donu i kazachestvo [Reforms of the 60–70th of the 19th century on Dona and the Cossacks] / Jugo-Vostok Rossii v XIX – nachale XX v. Rostov n/D. pp. 38-49. [in Russian]
 Sbornik, 1870 – Sbornik pravitel'stvennyh rasporyazhenij po kazach'im vojskam [the Collection of government directives on the Cossack troops]. SPb., 1870. T. I. 295 s. [in Russian]
 Svatikov, 1924 – Svatikov S.G. (1924). Rossija i Don (1549–1917). Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenij [Russia and Don (1549–1917). Research on history of the state and administrative law and political movements]. Belgrad. 592 p. [in Russian]
 Sed'minec, 1876 – Sed'minec. (1876). Reformy v Sibirskom kazach'em vojske. Sbornik gazety «Sibir'» [Reforms in the Siberian Cossack army. The Collection of the Siberia newspaper]. SPb. T. 1. pp. 335-368. [in Russian]
 Stoletie, 1902 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch]. SPb., 1902. T. 11. Ch. 1. 900 p. [in Russian]
 Stoletie, 1902a – Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk. Istoricheskij ocherk [Century of the Ministry of Defence of 1802–1902. Head department of the Cossack troops. Historical sketch]. SPb., 1902. T. 11. Ch. 2. Prilozhenija. 437 p. [in Russian]
 Topchij, 1995 – Topchij A.T. (1995). Burzhuaznye reformy 60–80 gg. XIX v. i problemy kazachestva Rossii [Bourgeois reforms of 60–80 of the 19th century and problem of the Cossacks of Russia]. / Problemy istorii kazachestva XVI–XX vv. Rostov n/D. pp. 29-35. [in Russian]
 Fando, 2016 – Fando R.A. (2016). Patronage and enlightenment in pre-revolutionary Russia: Alfons Shanyavsky and his "Free School". *Bylye Gody*. 39(1): 210-221.
 Volvenko, 2016 – Volvenko A.A. (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. 40(2): 398-411.

**Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений:
 организация, состав, деятельность (1865–1872 гг.)**

Алексей Александрович Волвенко ^{а, *}

^а Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется правительственная политика в отношении казачьих войск в 1860–1870-х гг. Ее главным проводником являлся Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений (1865–1872). Инициаторами его создания являлись Военный министр Д.А. Милютин и начальник Управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф. В работе анализируется процесс подготовки к открытию комитета, программа его занятий, подбор депутатского состава, раскрывается содержание дебатов по отдельным вопросам социально-экономического и военного развития казачьих войск. Главная задача, поставленная перед комитетом и акцентирующая его внимание на проблемах обустройства «гражданского быта», казачества была решена не полностью. Отмечается важность деятельности Временного комитета в контексте формирования обновленной законодательной базы в отношении казачьих войск в 60–70-х гг. XIX в. и последующей кодификационной работы.

Ключевые слова: Военное министерство, Д.А. Милютин, Н.И. Карлгоф временный комитет, казачьи войска, проекты реформ.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avolvenko@mail.ru (А.А. Волвенко)